

Ю.М. Гончаров, В.С. Чутчев

**К проблеме изучения средних городских слоев
Сибири середины XIX – начала XX в.***

В отечественной историографии в целом недостаточно разработана проблема социокультурной эволюции провинциального дореволюционного города и, соответственно, социального облика носителей урбанистических начал – городских «обывателей». Этот термин в дореволюционной России объединял различные группы населения, укорененные в городской среде.

Проблема городского обывателя возникает в связи с вопросом о среднем классе, наличие которого в социальных науках рассматривается в качестве одного из индикаторов, характеризующих уровень развития экономики и характер политической системы [1, с. 18].

Вопрос о среднем классе, или «средних слоях», в российской истории является одним из самых дискуссионных. Историки России решают этот вопрос различными путями, как правило, с учетом опыта Западной Европы. В силу опоры на западноевропейский опыт очень часто, особенно в работах западных авторов, средние слои общества выступают как «буржуазия, которой не было», или «потерянная буржуазия» – потерянная и экономически, и политически, как мертворожденное порождение государства или как новое сознательное гражданское общество, включающее интеллигенцию, новые профессиональные слои и политически активную часть предпринимателей [2, с. 190].

Признавая теоретическую важность проблемы среднего класса, мы хотели бы подчеркнуть, что наша исследовательская задача несколько уже. Нам представляется важным рассмотреть, как в пореформенном сибирском городе происходило формирование средних городских слоев (средних по своему положению между провинциальной элитой и низшими категориями горожан, лишенными собственности, квалификации, постоянных источников доходов) и каким образом это было связано с формированием специфического городского образа жизни, начинавшейся урбанизацией и модернизационными процессами в провинциальном русском городе.

Таким образом, в центре нашего внимания стоят т.н. обыватели – массовые носители городской культуры, с одной стороны, дистанцированные от местной элиты, которая в сибирском городе включала в себя верхушку чиновничества, крупных предпринимателей, прежде всего гильдейское купечество и часть интеллигенции. С другой стороны, средние городские слои в силу того, что они обладали определенной собственностью, имели профессию и постоянный источник доходов, отделялись от низших слоев.

Сложность в определении границ этой категории населения увеличивается в силу сохранения в пореформенной России сословного строя. В частности, с задачей изучения средних городских слоев, «обывательщины» тесно связана и проблема истории российского мещанства, его места и роли в общественно-хозяйственной и культурной системе общества [3, с. 19]. Интерес к изучению мещанского сословия, наметившийся в последние годы [3–6], продиктован тем, что историческая наука до сих пор уделяла российскому мещанству явно недостаточное внимание.

Последнее обстоятельство во многом определяется традицией, сформировавшейся еще в XIX в. В дореволюционной России дворянство, чиновничество, интеллигенция, пренебрежительно относясь вообще ко всякой «буржуазности», в своей массе крайне отрицательно относились к мещанству. Достаточно характерным примером антимещанской рефлексии являются рассуждения Д.С. Мережковского, относящиеся к началу XX в. Литератор усматривал в мещанстве сосредоточие всего мирового зла – милитаризма, шовинизма, бескультурия, ему виделась революция, которая должна «опрокинуть старые лавочки мещанской Европы» [7, с. 43–45].

С леворадикальных позиций «мирок» мещанина отрицался как часть мира частной собственности. Так, например, убежденный революционер, участник продотрядовского похода в деревню А. Курбатов с осуждением описы-

---

* Статья подготовлена при поддержке Минобразования РФ.

вал обычаи этого слоя: «Скопидомство, жадность, скупость не считались чем-то постыдным или зазорным. Наоборот, «скупость – не глупость», «копеечка рубль бережет», «скопи домик хоть в орехову скорлупку, а потом и белокаменный заведешь» – вот те пословицы и поговорки, которыми тешили себя в то время люди» [8, с. 104]. Антимещанская направленность дореволюционной публицистики впоследствии во многом сохранялась в советское время.

Основное внимание советских историков было привлечено не к сословной, а классовой структуре общества, в силу чего история сибирского мещанства нашла свое отражение в исследованиях сибиреведов в контексте общих вопросов, связанных с изучением отдельных городов и регионов, развития торговли, городского самоуправления, населения городов и т.п. (работы Н.А. Миненко, В.В. Рабцевич, В.М. Кабузана, А.Д. Колесникова, Д.Я. Резуна, А.Р. Ивонина, М.Г. Рутц и др.). В последние годы появились и работы, специально посвященные мещанству, например диссертации Л.В. Останиной, В.П. Ключевой [9, 10]. Однако большинство сюжетов, касающихся сибирского мещанства, относится к дореформенному периоду. Сибирское мещанство второй половины XIX – начала XX в. рассматривалось преимущественно в работах, посвященных численности и составу населения городов региона ([11–13 и др.]).

Мещанство являлось одним из наиболее массовых сословий Российской империи. К началу XX в. в России насчитывалось более 13 млн мещан (10,7% всего населения), это было самое многочисленное сословие после крестьянства [14, с. 219]. Именно мещанство являлось массовым носителем городской культурной традиции.

Вступление России в период модернизации после буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. предопределило и изменение роли мещанства. В 1865 г. мещане были освобождены от телесных наказаний. В ходе судебной реформы были ликвидированы сословные суды. По Городовым положениям 1870 и 1892 гг. они сохранили свое право на участие в городском самоуправлении, но их избирательные права были ограничены высоким имущественным цензом, что давало преобладание в городских органах дворянам, купцам и почетным гражданам.

В пореформенный период, с одной стороны, мещане получили широкий доступ к государственной службе, из их среды выходят лица «свободных профессий», интеллигенция, они выступают одним из источников форми-

рования буржуазии и пролетариата. С другой стороны, сословные права и привилегии мещанства все больше утрачивают свое значение. В начале XX в. мещанство, в условиях ликвидации или минимизации правовых различий между категориями населения, уже утрачивает внятные сословные признаки, но все более обретает черты «обывателей».

Традиционно мещанство квалифицировалось как низший городской слой. В частности, Л.В. Останина замечает, что «в системе социальной структуры города мещане являлись низшим сословием» [9, с. 20]. Однако это верно лишь по отношению к моменту формирования сословия в конце XVIII – начале XIX в. В пореформенный период значительная часть мещанства участвует в формировании средних городских слоев, занимаясь предпринимательской деятельностью, приобретая собственность, профессии, образование.

Исследование истории западносибирского мещанства, своеобразие которого определялось спецификой городов региона (поздний генезис, удаленность от центра, особенности состава населения) позволит более полно выяснить процессы развития социальной структуры провинциального русского города второй половины XIX – начала XX в.

Однако было бы некорректно отождествлять мещанство со средними городскими слоями. Безусловно, это было самое массовое городское сословие, но именно в силу своей массовости и в силу интенсивных социально-экономических и культурных процессов, протекавших в пореформенных городах, это сословие было сильно дифференцировано. Внутренний состав мещанского общества не был однородным и устойчивым. Принадлежность мещан к одному сословию не означала их социальной однородности: одни мещане входили в состав мелкой буржуазии, другие становились наемными рабочими. Мещанство включало в себя и группу крестьян, недавно переселившихся в город и перешедших в мещанское сословие, и мещан, проживавших в сельской местности, которые занимались сельским хозяйством аналогично крестьянам. Так, в Тобольской губ. в 1897 г. из 46465 мещан в городах жили 34729 чел. (77,8%). В Томской губ. из 139003 лиц мещанского сословия к постоянному городскому населению относились только 72835 чел., или 54,3%. Остальные постоянно жили в сельской местности. Один из современников писал, что это происходило потому, что «многие крестьяне находят выгодным перечислиться в мещане, оставаясь по-

прежнему на житье в деревне и на самом деле продолжая быть теми же крестьянами» [15, с. 34]. Да и жившие в городах активно занимались скотоводством, земледелием и огородничеством. Вот как писал современник о мещанах Мариинска, получившего статус города только в 1857 г.: «Коренные жители Мариинска, до переименования в мещане, занимавшиеся исключительно земледелием, с переходом их в новое звание усвоили одно только имя горожан, в сущности же остались прежними земледельцами» [16]. Сходная ситуация была в других небольших сибирских городках. Краевед Н. Абрамов замечал о Ялutorовске: «Здесь мещане большею частью занимаются хлебопашеством, извозом и частично скотоводством, женщины огородничеством и рукоделием, собственно для своего потребления» [17].

Значительную часть мещанства можно отнести скорее к маргинальным слоям. Понятие маргинальности в данном случае мы употребляем для обозначения пограничности, периферийности или промежуточности по отношению к каким-либо социальным общностям. Фигура мигранта из села в город является в социологии классической, так сказать, эталонной моделью маргинала: уже не крестьянин, еще не горожанин; нормы деревенской субкультуры уже подорваны, городская субкультура еще не усвоена [18, с. 180].

Беднейшую часть мещан, даже давно укоренившихся в городе, также не следует относить к средним городским слоям. Вот, например, как В.В. Берви-Флеровский характеризовал беднейшую часть мещанства: «Между мещанами вы встретите целые толпы работников, которые не имеют никакого определенного занятия и которые, по собственному их выражению, перебиваются кое-как. Сегодня он ловит рыбу, завтра он копает огород, через неделю он шьет сапоги, сегодня он грузил судно, завтра он отправляется на сенокос. Подобную жизнь ведут даже домовладельцы-мещане в значительных городах» [19, с. 450].

С другой стороны, некоторые из мещан были довольно состоятельными предпринимателями и при этом не спешили записываться в купечество. Например, в 1889 г. в Томске мещане имели такие заведения: Киселев имел скобяную лавку с оборотом 35 тыс. руб. и годовой прибылью 1400 руб., Чебоксаров – бакалейную лавку с оборотом 30 тыс., Кольцова была хозяйкой 3-х трактиров и т.д. [20, с. 134–143]. Некоторые мещане становились крупными предпринимателями, не оставляя своего сословия. Особенно это характерно для начала

XX в., когда после принятия Положения о промысловом налоге 1898 г. запись в гильдии становится необязательной. Так, например, оставались барнаульскими мещанами одни из крупнейших пароходчиков Обь-Иртышского бассейна, миллионеры Евдокия Ивановна Мельникова и ее сын Александр [21, с. 69–70].

В целом в начале XX в. мещанское сословие подверглось значительной социальной дифференциации, внутри сословия можно выделить группы люмпенов и маргиналов, интеллигентов, сохранявших формальную принадлежность к мещанскому сословию и «квазибуржуа», по своему экономическому потенциалу нередко превосходивших купечество. Однако численность этих маргинальных категорий мещанства с трудом поддается исчислению. В то же время, несмотря на социальную, культурную, национальную и прочую дифференциацию, российское мещанство, как отмечал В.М. Бухараев, в определенных пределах и с определенными оговорками можно объединить в единый социокультурный тип [3, с. 24].

Большинство мещан находились в середине социальной вертикали пореформенного российского города, точнее, по выражению В.М. Бахараева, «в нижней части ее срединного спектра». Они являлись костяком определенной общности городских обывателей, сформировавшейся к концу XIX в., в которую также входили часть крестьян, проживавших в городах, небогатое купечество, цеховые ремесленники, почетные граждане (потомственные и личные), низшие слои чиновничества и духовенства, а также некоторые категории военных (нижних чинов). Всю эту общность городских обывателей и можно признать средними городскими слоями.

Кроме мещан, в пореформенный период к средним городским слоям можно отнести и часть представителей других сословных групп. В частности, особой группой населения были «военные», или, другими словами, «солдатское сословие». Оно состояло из нижних чинов армии, как состоящих на службе, так и бессрочноотпускных и отставных солдат с их семьями и кантонистов (солдатских детей). Формирование этого сословия относится к первой четверти XVIII в. При введении рекрутской повинности было установлено, что вновь призванные рекруты освобождались от крепостной зависимости и переходили в «солдатское сословие», которое включало также солдатских жен и детей. Нижние чины регулярной армии вплоть до 1874 г. набирались на службу из податных сословий. Военная служба для

этого сословия являлась наследственной обязанностью, освобождавшей его от платежа всех государственных податей и выполнения казенных повинностей. Вышедшие в отставку нижние чины считались лично свободными людьми с правом на пенсионное обеспечение. Они составляли особую категорию отставных солдат.

С введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности лица, призывавшиеся в армию всего на несколько лет, на время службы и после нее уже оставались в своем прежнем сословии. Новый порядок означал, что отдельное воинское сословие перестало существовать. Однако вплоть до конца XIX в. продолжали существовать многочисленные категории отставных солдат с членами их семей, что и отмечалось в материалах учета населения. Поскольку эти категории больше не пополнялись, к концу XIX в. они растворяются среди других групп населения. Перепись 1897 г. уже не выделяла военных в отдельное сословие.

В городах Западной Сибири проживало в начале 1860-х гг. более 30 тыс. военных, что составляло 25% всего населения. К 1880 г. общая численность военных немного выросла, но их доля в населении городов региона упала с 25 до 20% [22, с. 81].

Вышедшие в отставку нижние чины считались лично свободными людьми с правом на пенсионное обеспечение. Они составляли особую категорию отставных солдат, могли записаться в какое-нибудь податное сословие, а в случае дряхлости или неспособности к труду получали небольшую пенсию по 36 руб. в год. Нередко отставные продолжали службу у своего офицера в качестве кучера, слуги по дому или искали сходную работу в городе. Некоторые становились учителями и учили детей небогатых родителей элементарной грамотности, так как уровень грамотности в армии превышал средний по стране. В целом занятия самых многочисленных в 1860–1880-х гг. категорий военных – отставных и бессрочноотпущенных солдат – мало отличались от занятий основной массы горожан. Солдаты занимались ремеслами, промыслами, поденной работой, мелкой торговлей и т.п. По данным А.Р. Иволина, из бессрочноотпущенных нижних чинов в городах Западной Сибири в 1859 г. занимались хлебопашеством 2,3%, промыслами – 31,1%, торговлей – 34,3%, казенной и частной службой – 11,1%, поденной работой – 21,0%, не имели занятий – 0,2% [23, с. 134].

Значительная часть военных, живших в городах региона, были домовладельцами, что также сближало их с другими горожанами,

прежде всего с мещанами. Например, в Бийске в 1876 г. среди владельцев недвижимого имущества значилось: дворян – 48, духовного сословия – 9, купцов – 43, мещан – 834 и военных сословий – 179. При этом доля военных среди владельцев недвижимости (16,1%) была выше их доли в населении города – 13,9% [24]. В 1880 г. в Тобольске из 1921 домовладельца 386 относились к нижним воинским чинам и членам их семейств; в Томске – из 2273 – 179; в Омске – из 2880 домовладельцев к солдатскому сословию относились 781, к казакам – 564 [25]. Близость условий жизни большинства из проживавших в городах региона военных и собственно городских сословий (прежде всего мещанства) во многом и определило ту легкость, с которой остатки военного сословия растворились среди основной массы горожан в конце XIX в.

Хотя традиционно считается, что духовенство являлось привилегированным сословием и занимало достаточно высокое место в сословной системе российского общества, низшее духовенство по своему социальному и экономическому положению немногим отличалось от мещанства.

В XIX столетии духовенство, составлявшее одну из самых малочисленных сословных и профессиональных групп горожан, не отличалось высокими доходами. По подсчетам Б.Н. Миронова, в середине XIX в. приходское духовенство уступало по уровню доходов младшим чиновникам и офицерам в 1,5–2 раза [26, с. 153–158]. И. Дитятин отмечал: «Можно... утверждать, не рискуя впасть в грубую ошибку, что городское духовенство в огромном большинстве случаев, с точки зрения экономического благосостояния, стоит вообще не очень высоко» [27, с. 330].

Приходское духовенство состояло из трех основных групп – священников, дьяконов и причетников. Представители каждой группы имели различный духовный статус и соответственно ему – разные обязанности при исполнении церковных обрядов: священник выполнял главную роль, без него вообще не могло совершаться никаких обрядов и таинств, дьякон помогал священнику, а причетники служили для создания пышности, торжественности службы. Священники и дьяконы относились к священнослужителям разного ранга, а причетники – к церковнослужителям, не имевшим статуса священства. Священник являлся главой причта и обладал административной властью над остальными его членами. Во второй половине XIX – начале XX в. священни-

ки составляли от 37 до 50% приходского духовенства, дьяконы – 11–14%, причетники – 41–56% [28, с. 108].

Жалование духовенства было невысоким. В конце 1860-х гг. настоятель городской церкви в Тобольской губ. получал в среднем 180 руб. в год, помощник настоятеля – 120 руб., псаломщик – 60 руб.; в Березовской соборной церкви протоиерей получал 200 руб. в год, священник – 180 руб., дьякон – 100 руб., причетник – 70 руб.; в остальных церквях города: священник – от 90 до 160 руб. в год, дьякон – 70 руб., причетник – от 30 до 36 руб. [29].

Получаемым жалованием доходы духовенства не ограничивались. Большинство духовенства получало основной доход непосредственно от паствы за исполнение обрядов – венчания, отпевания, крещения и т.п. Кроме того, обычной была практика приема причта в дни важнейших религиозных праздников. Доходы членов причта заметно отличались, так как по обычаю они делились между священником, дьяконом и всеми причетниками в пропорции 4:2:1 [28, с. 108].

Во второй половине XIX – начале XX в. у приходского духовенства появились дополнительные статьи дохода: средства за аренду церковных лавок; государственные субсидии на вновь открываемые православные приходы на окраинах России; пожертвования состоятельных прихожан [30, с. 21–22]. Нужно отметить, что реальные доходы духовенства в России росли, чему немало способствовала государственная политика. По подсчетам Б.Н. Миронова, реальные доходы приходского духовенства с 1714 по 1913 г. выросли не менее чем в 3 раза [26, с. 153–158]. Однако, по мнению самих священно-церковнослужителей, их материальное обеспечение оставалось «весьма скудным» или, в лучшем случае, «посредственным». Таким образом, большинство священнослужителей в сибирских городах можно отнести именно к средним городским слоям.

Во многом это справедливо и для чиновничества. Большинство чиновников имело довольно низкий уровень доходов [31, с. 20–29]. Об этом говорят многие современники. Вот как картину бедственного положения мелкого чиновничества сибирского города рисует другой современник: «Возьмем простого канцеляриста, – ступень, с которой начинает свой бюрократический карьер огромный большинство провинциального чиновничества... Скудная плата за неустанные труды не обеспечивает ни куска хлеба, ни теплого угла и одежды, ни

даже пары крепких сапогов и калош. При угнетенном и забитом положении человека, не видящего впереди ничего кроме безотрадного, ничего не обещающего скрипа пера, при недостатке воли и нравственной незрелости легко развиваются дурные наклонности и преимущественно пьянство, которым так отличается сословие служащих» [32, с. 328–329]. Нищета мелких чиновников была особенно заметна в Сибири, где общий уровень жизни был довольно высоким. В пореформенные годы благосостояние провинциального чиновничества характеризовалось так: «большинство, и очень почтенное, чиновничьего класса составляет не что иное, как именно городской пролетариат, стоящий едва ли на более высокой степени благосостояния, чем мещанство» [27, с. 332]. В начале XX в. положение оставалось прежним: «Огромное большинство низшего чиновничества довольствуется, в большинстве случаев, таким ничтожным жалованием, на какое нет возможности просуществовать, не голодая, даже холостому человеку» [33, с. 66].

Положение гражданских чиновников и офицеров было сходным. Для большинства офицеров жалование составляло единственный источник средств существования. Следует также иметь в виду, что военнослужащим воспрещалось заниматься частнопредпринимательской деятельностью [34, с. 87]. Армейский офицер в Сибири в середине XIX в. получал в среднем 250 руб. в год, кроме того, квартирные и фуражные, деньги на отопление и освещение, имел денщика, а по окончании службы – право на пенсию. Значительно скромнее жили казацкие офицеры, которые получали всего 72 руб. в год [35, с. 134].

Из всех чиновников Российской империи только 20% получали в начале XX в. более 1000 руб. денежного содержания [36, с. 127]. В.М. Флоринский писал в своих воспоминаниях: «... приниженное положение чиновничества [в Томске] объясняется, по моему мнению, его малочисленностью и ограниченностью средств. Большинство их получает содержание не свыше 1000 руб. в год, нередко при большой семье. Вице-губернатор получает всего 2 тыс. руб., а губернатор, кажется, 4000 руб., советники по 800 руб. При таких ограниченных средствах честный человек забивается в конуру, ездит по городу в телеге, одевается чуть не в овчинный тулуп, а человек с податливой совестью невольно дружит с купечеством, лебезит и заискивает перед ним» [37, с. 287]. П.А. Зайончковский отмечал, что на рубеже XIX–XX вв. материальное положение квали-

фицированных рабочих, в частности, печатников, «... мало чем отличалось от условий жизни мелких чиновников» [38, с. 85].

С процессом формирования средних городских слоев тесно связан феномен разночинцев. Сам этот термин появился в XVIII в. и имел нечеткое и расплывчатое толкование в официальных документах. К ним причисляли все те категории населения, которые не попали в другие сословия. К разночинцам статистика относилась отпущенных на волю крепостных, не состоявших при должностях низших церковнослужителей, канцеляристов, официально зарегистрированных раскольников, некоторые группы государственных крестьян и т.п. Во второй четверти XIX в. к разночинцам стали причислять людей, находившихся в переходном положении и обязанных через известный срок приписаться к какому-либо сословию [39, с. 107–124]. В 1841 г. это сословие было официально упразднено правительством, но фактически продолжало существовать, так как реальная жизнь не укладывалась в прокрустово ложе сословной системы. Вот что писал о разночинцах чиновник, занимавшийся статистикой населения: «Так как этот термин не известен своду законов о состояниях, а употребляется только при статистических подсчетах народонаселения, то пришлось, за недостатком юридического определения, употребить описательный способ определения, в виде примера, какого рода люди подразумеваются под названием разночинцы, и потому в самой статье было сказано: «разночинцы есть собирательное слово, под которым скрываются разного рода люди, умевшие мелкими тропинками проложить себе путь к владению собственностью; имущества их маленькие, рассеяны по самым отдаленным частям города ... Большею частью это лица, обеспечившие себя разными личными трудами, по разным случаям, и не попавшие ни в один из главных разрядов, на которые делятся у нас сословия» [40, с. 18].

Социально-экономическое развитие городов Сибири, распространение культуры и образования, процессы разложения сословного строя и формирования новых социальных общностей привели к тому, что к началу XX в. социальная структура населения городов региона претерпевает значительные изменения. В силу этих изменений, следуя за рядом исследователей, в начале XX в. можно различать две составные части средних городских слоев – старые и новые [11, с. 239]. К старым, сформировавшимся преимущественно на основе мещанства, относились мелкие предпри-

ниматели и домовладельцы, к новым – интеллигенция, служащие, некоторые новые профессиональные группы. Стратификационной основой старых слоев служила собственность, новых – образование и профессионализм.

Именно система высшего и среднего образования служила главным каналам формирования слоя интеллигенции и служащих. Социальной же основой этих категорий среднего класса выступали различные сословные группы. При этом существовавшие сословные ограничения определяли ведущую роль дворянства в этом процессе. Однако с течением времени участие других сословий в получении образования и, соответственно, в формировании новых средних слоев горожан повышалось. Так, например, если в 1866 г. дети дворян и чиновников составляли 64% учащихся Томской гимназии, то в 1917 г. – только 36% [11, с. 239].

Тесная связь между развитием образования и социальным развитием неоднократно отмечалась исследователями. Как отмечала Э.К. Виртшафтер, «во второй половине XIX в. распространение образования, вызванное потребностями административной, военной и экономической модернизации, способствовало снятию социальных барьеров и реструктуризации социальных идентичностей» [3, с. 198].

В составе новых средних слоев городов региона можно выделить несколько групп. В частности, можно отметить большую группу лиц, занятых в сфере материального производства, – инженеров, техников, служащих железной дороги, связистов. Работники науки и культуры (преподаватели, учителя, врачи, библиотекари, художники, музыканты) составляли вторую группу. К этой группе можно отнести также студенчество, которое формируется после открытия в Томске вузов [41]. Третью, самую значительную по численности группу новых средних слоев составляли занятые в управлении – чиновники, работники судебных учреждений, банковские и торговые служащие, а также священнослужители.

Некоторые представители интеллигенции по уровню своих доходов и социальному положению выходили за рамки средних слоев. В частности, в Томске после открытия университета и технологического института формируется профессура. В отличие от преподавателей университетов Европейской России профессора Томского университета пользовались льготами, которые устанавливались «Положением о заработной плате и льготах в Сибири» и получали полуторное содержание.

Ординарный профессор получал 4500 руб. в год (2400 – жалование, 1050 – столовых, 1050 – квартирных), экстраординарный – 3000 руб. (1600 – жалование, по 700 – столовых и квартирных). Профессора, занимавшие должности по университетскому управлению, имели доплату к основному содержанию: ректор – 1500 руб., проректор – 1200, декан факультета – 600 руб. К основному содержанию по истечении 5 и 10 лет службы полагались прибавки в размере 20 и 40%. Помимо основного содержания профессора получали гонорар со сбора за лекции со студентов, который в среднем составлял до 1000 руб. в год. У томской профессуры были возможности приработка преподаванием в гимназиях и училищах, частной медицинской и юридической практикой. В целом по совокупности доходов университетскую профессуру можно было отнести к верхушке губернской администрации [42, с. 15–16].

К старым средним слоям относились хозяева небольших промышленных и торговых заведений, квалифицированные ремесленники, мелкие домовладельцы, извозчики, мелкие рантье, т.е. все хозяева, не включенные в состав крупной и средней буржуазии.

По данным Н.М. Дмитриенко, в Томске средние городские слои на рубеже XIX–XX вв. быстро росли как в абсолютном, так и в относительном исчислении. Особенно быстро в губернном центре росли новые средние слои – их численность с 1880 по 1917 г. увеличилась более чем в 10 раз, а удельный вес среди самостоятельного населения вырос с 5 до 15%. В целом же средние слои Томска выросли за этот период в 3,8 раза, а их удельный вес составлял 35–40% среди самостоятельного населения [11, с. 240–243]. Присутствие такой мощной средней прослойки населения сказывалось на социальном облике Томска, уравновешивало противостояние элиты и низших слоев горожан.

Рассматривая новые средние городские слои, необходимо отдельное внимание уделить интеллигенции. К концу XIX в. в России интеллигенция становится массовым слоем, охватывая сотни тысяч человек [43, с. 14]. Е.А. Плотников на основе материалов переписи 1897 г. подсчитал, что соответствующие группы интеллигенции в Сибири составляли: в управлении – 57,3, культуре – 29,4, материальном производстве – 13,3%, при этом больше, чем в среднем по стране, в регионе было занято в управлении и меньше в культуре. Особенно значительные группы интеллигенции сложились в губернских центрах:

Томске – 2753 чел., Омске – 1850 чел., Тобольске – 844 чел. В процентном исчислении от самостоятельного населения городов доля интеллигенции составила в Томске – 10,1%, Омске – 10%, Тобольске – 7,6% [44, с. 100–101].

На основе разделения населения городов по занятиям в литературе делались попытки в соответствии с ленинской методикой выявить и классовую структуру городского населения. Так, по подсчетам Л.М. Иванова, крупная буржуазия, помещики, высшие чины составляли в среднем по городам России 11,3%, мелкие хозяева – 36,4%, пролетарии и полупролетарии – 52,3% [45, с. 329]. По городам Сибири это соотношение выглядело следующим образом: 12,1; 23,8; 44,8 [46, с. 115]. Обращает на себя внимание меньшая доля в Сибири мелких хозяев и особенно пролетарского и полупролетарского населения.

Необходимо сказать, что определение численности средних городских слоев и их доли в населении – отдельная исследовательская задача. В нашем распоряжении есть данные переписи 1897 г., которые позволяют сделать это достаточно точно. Однако это данные всего лишь за один год. Н.М. Дмитриенко использовала данные однодневных городских переписей Томска, что и позволило ей произвести подсчеты. По другим городам региона таких данных нет. Оценить хотя бы приблизительно стратификацию горожан в 1870–1880-х гг. могут позволить данные о городских выборах, производившихся на основании Городового положения 1870 г., которое ввело имущественный ценз. По новому избирательному закону городское население разделялось на цензовых и нецензовых (лишенных избирательных прав) граждан. Цензовые граждане в свою очередь делились на три разряда в зависимости от величины уплачиваемых в городскую казну налогов. На наш взгляд, третий разряд избирателей (самые многочисленные мелкие плательщики) можно отождествить именно со средними городскими слоями (первые два разряда – с высшими слоями, нецензовых граждан – с низшими). При введении городского положения в середине 1870-х гг. в городах Томской губ. насчитывалось 732 избирателя первого и второго разрядов и 4614 – третьего [47, с. 281, 283] (так как в Нарыме вводилось упрощенное положение и избиратели были поделены на два разряда, то 162 чел. избирателей второго разряда мы приравнивали к избирателям третьего разряда в других городах). Вместе с членами семей (в среднем 4,5 чел. на семью [48, с. 141–144]) это составило

3294 и 20763 чел. Таким образом, в середине 1870-х гг. в городах Томской губ. богатые составляли 4,8%, средние слои – 30,2%, бедные – 65% всего населения (68791 чел.).

По избирательным спискам можно оценить и вклад различных сословий в формирование средних городских слоев. Так, например, в Томске в 1870 г. среди избирателей 3 разряда мещане составляли 54%, чиновники – 10,9%, купцы – 5,4%, крестьяне – 4,5% [49, с. 51].

Анализ занятий горожан региона показывает, что в целом они развивались как многофункциональные поселения и все большую значимость имели торгово-промышленные занятия. Чем крупнее был город, тем сложнее была структура занятий его жителей. В первую очередь это относится к ведущим экономическим центрам Западной Сибири – Омску, Томску, Новониколаевску, Тюмени, Барнаулу, Кургану. В перечисленных центрах быстрее и более отчетливо шло формирование социальных групп – пролетариата, средних слоев, буржуазии. В средних городах эти процессы шли медленнее, наконец, в группе малых городов (Березов, Сургут, Нарым, Тюкалинск, Кузнецк и ряд других) население в основном занималось традиционными для данной местности, но по сути негородскими видами деятельности, такими как земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, собирательство, и их можно отнести к группе аграрных городов. В большинстве средних и мелких городов новые профессиональные структуры были слабо специализированы [13, с. 287].

Насколько мещанское сословие, хотя бы в той его части, которую можно отнести к средним слоям, являлось носителем модернизационных начал? На этот вопрос однозначно ответить невозможно. Например, в работах последних лет, посвященных истории мещанства, зачастую присутствуют противоречия между прогрессистскими подходами и теми данными, которые авторы получают в ходе исследования. Так, В.В. Захарова в соответствии с тезисом о том, что в пореформенном русском городе активно шли процессы модернизации, говорит об «открытости», высокой социальной мобильности мещанского сословия [50]. Действительно, в соответствии с законодательством мещанство постоянно пополнялось выходцами из деревни, обедневшими представителями купечества и другими категориями лиц, например воспитанниками сиротских домов. С другой стороны, мещанство было одним из главных источников для пополнения ку-

печества и буржуазии в целом, новых профессиональных слоев, интеллигенции. Однако подобная мобильность совсем не является свидетельством усиления социальной мобильности, предполагавшей выход за пределы традиции, установки на развитие и т.п. Размытость и подвижность социальных границ в России были традиционными, и связывать их с процессами модернизации не всегда корректно. Как отмечала Э.К. Виртшафтер, еще в дореформенный период «среднее сословие» в России оставалось самым открытым из формальных категорий в обществе, в котором социальные границы в целом были проницаемы» [2, с. 194].

В ряде публицистических статей, посвященных истории мещанства, модернизаторские нотки в характеристике этого сословия звучат еще категоричнее. Так, например, А. Лаврин пишет: «Спору нет, деревенский уклад значительно повлиял на российскую ментальность. Однако на рубеже XIX–XX вв. центробразующим началом государства, безусловно, становится мещанство» [51].

С другой стороны, ряд исследователей отмечает присущий мещанству традиционализм. Труд большинства мещан был направлен на удовлетворение только личных потребительских нужд и выполнение обязательств перед властями и характеризовался использованием примитивного инвентаря и труда членов семьи, без цели получения прибыли. Эти обстоятельства, а также сохранившаяся мещанская община, по мнению В.М. Бахараева, позволяют говорить о «превалировании в мещанской среде не коммерческих частнохозяйственных, а морально-экономических отношений, выявляющих себя в качестве форпоста традиционализма. Коммерческая же деятельность была уделом немногочисленной, более мобильной части мещанства. Зачастую купцов, перешедших в мещанское сословие... Моральная экономика, превалирование имперского типа сознания, расчет на патерналистскую заботу государства, патриархальные порядки в семье, семейное хозяйствование сближали мещанский архетип с крестьянским» [3, с. 25–26].

Так же как и купечество, мещанство обладало правами сословного самоуправления: мещане каждого города образовывали мещанское общество под управлением мещанской управы и мещанского старосты. В небольших городах все дела, касавшие лиц мещанского сословия, обычно возлагались на должностных лиц муниципалитетов – городских голов, а в городах с упрощенным управлением – на городских старост.

Однако, как показывают источники, в общественной жизни городов мещане были гораздо более пассивны, чем купечество, и не слишком активно пользовались данными им правами. Для мещанства был характерен определенный комплекс социальной неполноценности, неверие в возможность что-либо изменить с помощью самоуправления, без вмешательства государства или его представителей. В.М. Бухараев так охарактеризовал общественную жизнь мещанства: «Общественная жизнь мужской части мещанства в основном сосредотачивалась в трактирах, ренсковых погребах, ведерных, винных и пивных лавках и других «питейных заведениях». Досуг женщин-мещанок проходил, как правило, в соседских чаепитиях, посиделках и т.п., «выходы в свет» всем семейством осуществлялись лишь в праздничные дни... Пьянство настолько укоренилось в сознании российского городского обывателя, что стало одним из элементов традиционной культуры» [3, с. 27].

Мещане и, в целом, представители старых средних слоев были лишены многих черт, свойственных представителям городских слоев Запада, таких как расчет на собственные силы, отказ от социального иждивенчества и государственного патернализма, развитая трудовая этика, опора на полноценное самоуправление, терпимость и т.д. По мнению В.М. Бухараева, отсутствие данных социопсихологических качеств у российского мещанина было обусловлено крайне недостаточным развитием гражданского общества в России. Однако подобное мнение разделяют не все исследователи. Так, Э.К. Виртшафтер пишет, что «русское «среднее сословие» содержало все культурные и социально-экономические компоненты европейских средних классов, но оно не имело институциональных структур, необходимых для того, чтобы преодолеть социальные отличия и фрагментацию» [2, с. 194].

В то же время новые средние городские слои отличались гораздо более активной социальной позицией. Вот как, например, характеризует интеллигенцию Томска Н.М. Дмитриенко: «В городе формировалась прослойка либерально-демократической интеллигенции, представленная врачами, учителями, студентами. Они показали себя бескорыстными тружениками на ниве просветительской деятельности... В начале XX в. либеральная интеллигенция города превратилась в общественно влиятельную силу, определявшую политическую жизнь города» [11, с. 242].

Таким образом, очевидно, что процессы формирования средних городских слоев во второй половине XIX – начале XX в. требуют углубленного изучения. Среди проблем, которым следует уделить внимание, можно назвать проблему дефиниции средних слоев и тех критериев, на основании которых эти слои можно выделить. Важной проблемой можно считать собственно формирование средних слоев, т.е. социальные источники формирования, дифференциация средних слоев, выделение различных категорий, соотношение старых и новых слоев и их взаимодействие. К той проблеме близка и задача определения численности средних слоев в исторической динамике, их доли в городском населении в различных типах городов, взаимосвязь процессов формирования средних слоев с процессами социально-экономического и культурного развития городов. Интересной проблемой можно считать вопрос о занятиях горожан, уровне их доходов и хозяйстве. Важный момент исследования – социокультурное изучение средних слоев как носителей городской культуры, их роль в формировании городского образа жизни. Рассмотрение этих проблем позволит взглянуть на процессы формирования средних городских слоев как своеобразное «зеркало» процесса модернизации российского общества во второй половине XIX – начале XX в.

Литература

1. Александрова О.А. Идеальный фон становления среднего класса // ОНС. 1999. №1.
2. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: различия в Российской империи. М., 2002.
3. Бухараев В.М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Социальная история: Ежегодник, 2000. М., 2000.
4. Шилкина В. Мещане // Былое. 1992. №8; Захарова В.В. Мещанское сословие пореформенной России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
5. Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг. (Этно-историческое исследование): Автореф. дис. ... канд. М., 1998.
6. Хренов Н.А. Мещанско-предпринимательская картина мира в русской культуре (к проблеме характеристики психологического типа) // Мир психологии. 1996. №4.
7. Мережковский Д.С. Еще два слова о мещанстве // Новое время. 1994. №51.
8. Курбатов А. Записки старого повара // Наш современник. 1967. №1.

9. Останина Л.В. Мещанство Западной Сибири в конце XVIII – 60-х гг. XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
10. Ключева В.П. Городские сословия Тобольской губернии в XVIII – первой трети XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000.
11. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в.: управление, экономика, население. Томск, 2000.
12. Гончаров Ю.М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Города Сибири XVIII – начала XX в. Барнаул, 2001.
13. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. I: Население. Экономика. Барнаул, 2003.
14. Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
15. Путинцев Н.Д. Статистический очерк Томской губернии. Самара, 1892.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 4. Д. 599. Л. 160б.
17. Абрамов Н. Город Ялуторовск с его округом // Тобольские губернские ведомости. 1864. №25.
18. Стариков Е.Н. Маргиналы // В человеческом измерении. М., 1989.
19. Берви-Флеровский В.В. Положение рабочего класса в России. М., 1938.
20. Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890.
21. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул, 1996.
22. Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002.
23. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000.
24. РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 33. Л. 10 об.
25. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882.
26. Миронов Б.Н. Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории. 1987. №1.
27. Дитятин И. Устройство и управление городов России. Т. II: Городское самоуправление в настоящем состоянии. Ярославль, 1877.
28. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. СПб., 1999.
29. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 108. Л. 35 об., 70.
30. Бабушкина О.Ю. Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е гг. XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002.
31. Гончаров Ю.М. Материальное положение чиновничества Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2002. №4.
32. Анучин Е. Средняя жизнь и долговечность в г. Тобольске // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864.
33. Рубакин Н.А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912.
34. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.
35. Миненко Н.А., Федоров С.В. Омск в панораме веков. Омск, 1999.
36. Рубакин Н.А. Много ли в России чиновников? // Вестник Европы. 1910. №1.
37. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. №5.
38. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
39. Вульфсон Г.Н. Понятие «разночинец» в XVIII – первой половине XIX в. // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Вып. 1. Казань, 1967.
40. Веселовский К.С. Отголоски старой памяти // Русская старина. 1899. Т. 100.
41. Смокотина Л.И. Социально-экономическое положение Томских студентов в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1994.
42. Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999.
43. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966.
44. Плотников А.Е. Численность, состав, территориальное размещение интеллигенции Сибири (по переписи 1897 г.) // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990.
45. Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.
46. Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990.
47. Лен К.В. Подготовка и проведение городской реформы 1870 г. в Западной Сибири: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000.
48. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002.
49. Лен К.В. Подготовка городской реформы 1870 г. в Томской губернии // Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул, 1997.
50. Захарова В.В. Мещанское сословие пореформенной России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
51. Лаврин А. Заметки о русском мещанстве // Русская мысль. 1999. 4–10 февр.